

ПРОСМОТР ЧАСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РОЛЬ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРОМ

Исследуется процесс осуществления перлюстрации в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Предпринята попытка поиска правовой основы регулирования перлюстрационного дела, изучены процедурные вопросы осуществления такой деятельности. Исследован механизм организационного оформления перлюстрационного дела, особое внимание уделено роли перлюстрации в предотвращении совершения терактов и раскрытии уже совершенных преступлений в Российской империи.

Ключевые слова: перлюстрация; террор; цензура; почтовая корреспонденция; шифрование писем.

Во второй половине XIX в. в Российской империи нашли свое организационно-правовое оформление новые виды оперативно-розыскных мероприятий, используемые органами полиции в борьбе с террором. К ним относились негласные методы работы, а именно наружное наблюдение, использование внутренней агентуры и перлюстрация корреспонденции. Ввиду недостаточного внимания со стороны ученых-юристов к изучению процедуры осуществления перлюстрационной деятельности следует направить исследовательский взгляд именно на эту проблематику.

Согласно большому юридическому словарю под редакцией А.Я. Сухарева и В.Е. Крутских, под перлюстрацией (от лат. *perlustratio* – обзреть) понимается тайное вскрытие и просмотр государственными или иными органами пересылаемой по почте корреспонденции с целью цензуры или надзора [1. С. 427]. Как правило, основными целями перлюстрации являлись определение политических настроений в обществе, а также заблаговременное предупреждение совершения преступлений, прежде всего, политического характера.

Перлюстрация как метод розыскной деятельности применялась в различных объемах российской самодержавной властью довольно давно: документальные материалы свидетельствуют о фактах вскрытия частной корреспонденции еще в середине XVIII в. [2, 3]. Во второй половине XIX в. развитие революционного движения, появление и последующее укрепление террористической идеологии в Российской империи способствовали систематизации этой деятельности и переходу перлюстрационной работы на качественно новый уровень.

Уже при первой попытке поиска нормативных правовых актов, регулировавших процесс осуществления перлюстрации в Российской империи во второй половине XIX в., исследователь сталкивается с серьезной проблемой: такие акты либо отсутствуют, либо носят факультативный характер. Подобная ситуация вызвана, прежде всего, тем, что в рассматриваемый период процедура перлюстрации не только не регламентировалась российским законодательством, но и фактически находилась вне закона. Во-первых, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и последующие его редакции устанавливали достаточно серьезные карательные санкции за нарушение почтового Устава. Комплекс содержащихся в

Уложении юридических норм по вопросам обращения с частной корреспонденцией при всей своей незначительности по объему в содержательном плане был вполне исчерпывающим. Так, ст. 1102 Уложения предусматривала в случаях, «если почтовый чиновник или почтальон или иной служитель почты не по неосторожности, а из-за каких-либо видов согласится с кем-либо передавать ему письма, адресованные на имя другого, без дозволения сего последнего, то он за сие подвергается лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и имуществ и ссылке на жительство в одну из отдаленных губерний» [4. С. 835]. Статья 1104 устанавливала ответственность за ознакомление с частной корреспонденцией: «Почтовый чиновник или служитель, распечатавший... отданное для отправления письмо, адресованное на имя другого лица, подвергается за сие удалению от должности; буде же сие учинено им для сообщения содержания письма кому-либо другому, то он приговаривается к заключению в тюрьму на время от 4 до 8 месяцев» [4. С. 837]. Во-вторых, Российская империя являлась членом Всемирного почтового союза, который объявлял перлюстрацию почтовой корреспонденции вне закона. Тем не менее перлюстрационная деятельность в Российской империи (в условиях большой секретности) осуществлялась Министерством внутренних дел без какой-либо ведомственной регламентации: никаких инструкций, циркуляров, определений или приказов, определявших порядок проведения данного вида оперативно-розыскных мероприятий, органами внутренних дел не издавалось. Именно по этой причине многие исследователи (Ф.М. Лурье, А.И. Спиридович, З.И. Перегудова, В.С. Измозик и др.) в своих трудах обращали внимание на проблему соблюдения государством принципа законности, вызванную отсутствием общих правовых норм, регулировавших процедуру перлюстрации корреспонденции в Российской империи [5–8]. При этом следует отметить, что в первые годы существования судебных уставов перлюстрация корреспонденции в особых случаях ими допускалась, т.е. была законной. Статьи 368 и 1035 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. позволяли исключительно с санкции окружного суда выемку и последующее вскрытие частной корреспонденции только тех лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование [9]. Также допускалась перлюстрация корреспон-

денции лиц, находившихся в политической ссылке: в период с 1863 по 1878 г. официальными властями было принято пять нормативных правовых актов, регламентирующих проведение этой процедуры [10. С. 18, 32, 139, 145, 242].

В Российской империи перлюстрация корреспонденции проводилась Почтовым департаментом, который наряду с телеграфным ведомством находился в распоряжении Министерства внутренних дел. Однако как в первой, так и во второй половине XIX в. представители различных административных властей, в особенности губернаторы, предпринимали неоднократные попытки нарушить это исключительное право. Так, 25 июня 1862 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор П.И. Гессе получил разрешение от Александра II на просмотр частной корреспонденции на вверенной ему территории [11. С. 94]. В то же время 1 декабря 1862 г. казанский губернатор П.Ф. Козлянинов через министра внутренних дел пытался вступить в переписку с начальником III Отделения с просьбой получать сведения о лицах, ведущих заграничную корреспонденцию, однако прямого разрешения на перлюстрацию так и не получил [12. С. 1–2]. 17 июня 1863 г. генерал-губернатор Северо-Западного края и Виленской губернии М.Н. Муравьев смог получить право осуществлять контроль за почтовой корреспонденцией [11. С. 191–192]. Другие генерал-губернаторы также предпринимали попытки приобрести полномочия по контролю почтовых отправок, однако их устремления не всегда получали одобрение в столице. В частности, 9 августа 1865 г. в докладной записке Александру II Главноначальствующий над Почтовым департаментом И.М. Толстой довольно подробно отразил факт превышения полномочий генерал-губернатора Северо-Западного края К.П. фон Кауфмана в отношении Минского губернского почтмейстера Л.Н. Урбасевича по отдельным вопросам контроля почтовой корреспонденции, ссылаясь на прецедент, созданный его предшественником по должности [Там же. С. 187–192]. В результате генерал-губернатор получил отказ от Александра II с разъяснением, что отступления от почтовых правил могут быть допущены исключительно с разрешения монарха. В отношении чиновников меньшего статуса почтовое руководство занимало значительно более твердую позицию и практически никогда не предоставляло им право заниматься перлюстрацией корреспонденции.

Следует отметить, что российские монархи придавали большое значение организации перлюстрационного дела. В частности, 2 августа 1862 г. Александр II в письме своему брату Константину Николаевичу отмечал необходимость обратить особое внимание на использование перлюстрации как эффективного способа получения достоверной и объективной информации [13. С. 134]. В 1868–1878 гг. министр внутренних дел А.Е. Тимашев ежедневно доставлял отобранные в результате перлюстрации письма императору, который в ходе их прочтения накладывал резолюции, делал заметки и распоряжения, носившие исключительно секретный характер [14. С. 73].

В конце XIX – начале XX в. получаемые в ходе просмотра частной корреспонденции материалы

представлялись в обзорах, отчетах и докладах органов полиции в опосредованной форме – в виде информации, полученной агентурным путем. Такие сведения применялись исключительно в розыскных целях и не использовались в ходе разбирательства по конкретному делу. Материалы перлюстрации корреспонденции первоначально сосредотачивались в 5-м отделении Особого отдела Департамента полиции, затем направлялись в соответствующее отделение по предметам ведения. Выписки и копии писем, имевшие отношение к террористической деятельности, передавались во 2-е отделение Особого отдела. Даже, на первый взгляд несущественные сведения, выявленные в ходе перлюстрации корреспонденции и вызывавшие подозрения в подготовке теракта, проверялись розыскными органами. Следует отметить высокую эффективность перлюстрации в борьбе с террором в этот период: получаемые сведения позволили предотвратить совершение многих терактов, способствовали раскрытию уже совершенных преступлений. Именно материалы перлюстрации позволили в ходе борьбы с партией «Народная воля» пресечь деятельность польской рабочей партии «Пролетариат» в 1883 г. [15. С. 55], установить одного из первых организаторов марксистских кружков М.И. Бруснева в 1892 г., раскрыть покушение на Александра III в 1887 г. [16. С. 268], ликвидировать кружок И.С. Распутина в 1895 г., рассматривавший возможность организации покушения на Николая II [17. С. 442], снизить активность нелегальных организаций социал-демократов в 1902 г. и др.

При всех трудностях правовой регламентации перлюстрационной деятельности объем просмотренной корреспонденции постоянно возрастал: если в 1858–1859 гг. во всей империи (за исключением Варшавы) было вскрыто более 106 тысяч единиц корреспонденции, в 1864–1865 гг. – более 146 тысяч, то в 1882 г. просматривалось уже порядка 380 тысяч конвертов [Там же. С. 171, 576]. По данным З.И. Перегудовой, в Санкт-Петербурге ежедневно подвергалось перлюстрации порядка 2–3 тысяч писем, из которых делалось около 20–30 выписок и копий [7. С. 278]. Например, 10 апреля 1882 г. был установлен контроль над частной перепиской известного революционера П.Г. Заичневского [18. С. 25].

Общее представление о процессе постановки перлюстрационного дела в Российской империи можно составить лишь по правовым документам, имевшим косвенное отношение к перлюстрации корреспонденции, а также по воспоминаниям должностных лиц, непосредственно связанных с этой деятельностью. Следует отметить, что период конца XIX – начала XX в. ознаменовался значительным ростом объемов почтовых отправок всех видов: если в 1885 г. общее число отправок превышало 281 миллион, то в 1900 г. оно составило более 2,1 миллиарда [19. С. 19; 20. С. 30–32].

Отсутствие общего легального правового регулирования перлюстрационной деятельности в государстве создавало для органов правопорядка определенные трудности в ее организации. Особенно остро это ощущалось при взаимодействии различных государственных структур, наделенных властными полномо-

чиями: в каждом конкретном случае допуск к частной переписке осуществлялся только с разрешения императора. Подобная процедура распространялась и на ведомства, осуществлявшие розыскную деятельность. Так, в письме начальника московского жандармского управления от 21 ноября 1873 г., адресованном управляющему III Отделением, отмечалось, что московский почт-директор отказался предоставлять жандармскому управлению материалы частной переписки без Высочайшего повеления в обход Министерства внутренних дел [21. С. 1]. Таких случаев в работе органов правопорядка было довольно много. В результате 3 января 1876 г., после очередной переписки Александра II с начальником III Отделения А.Л. Потаповым, император разрешил руководству этого ведомства получать частную корреспонденцию лиц, привлекаемых к политическим делам, при условии предварительного согласования подобных вопросов с министром внутренних дел [17. С. 169]. Вообще к началу XX в. перлюстрационные пункты фактически обслуживали несколько ведомств: Департамент полиции Министерства внутренних дел (материалы перлюстрации в рамках розыскной деятельности), Министерство иностранных дел, Министерство двора, а также Военное и Морское министерства (дипломатическая корреспонденция), в частности отдел иностранной статистики Морского Генерального штаба [22. С. 102, 193].

В 1881 г. после убийства Александра II в связи с увеличением масштабов террористической деятельности новый император подписал секретный указ, разрешавший министру внутренних дел осуществлять вскрытие частной корреспонденции в обход установленного Судебными уставами порядка. Официальных документов, раскрывавших содержание этого указа, как и самого документа, не сохранилось. Однако архивные материалы позволяют установить, что именно с этого момента перлюстрационная деятельность в Российской империи стала осуществляться системно и более качественно. Большое фактологическое значение для оценки состояния перлюстрационного дела в этот период имел секретный доклад министра внутренних дел Д.А. Толстого от 5 июня 1882 г. Ценность этого документа заключалась еще и в том, что в нем содержались положения определительно-установочного характера, раскрывавшие роль и место перлюстрации корреспонденции в системе государственного управления. В частности, в докладе отмечалась «полная независимость перлюстрационной деятельности от каких бы то ни было властей, кроме императорской» [23. С. 1–6]. Кроме того, из содержания доклада следует, что по состоянию на 1882 г. на территории Российской империи действовало 8 перлюстрационных пунктов: в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Вильне, Киеве, Харькове, Одессе и Тифлисе. Некоторые из перечисленных пунктов в короткие сроки были закрыты. Впоследствии на территории империи появлялись новые пункты, некоторые из них через непродолжительное время прекращали свою деятельность по разным причинам. Так, 26 октября 1886 г. для работы на сибирском направлении был организован перлюстрационный пункт в Казани, од-

нако уже в течение года стал актуальным вопрос о необходимости его дальнейшего существования. В связи с изменением маршрутов доставки сибирской почты появилась необходимость переноса этого пункта в Томск или Тюмень. Однако 29 ноября 1890 г. по причине малозначительности получаемых сведений Александр III решил вообще отказаться от просмотра сибирской корреспонденции, а казанский пункт сохранить в качестве постоянно действующего уже непосредственно по перлюстрации своей собственной корреспонденции [24. С. 125]. Казанский перлюстрационный пункт просуществовал вплоть до второй половины 1908 г. [25. С. 20]. 12 мая 1894 г. на временной основе был открыт перлюстрационный пункт в Нижнем Новгороде, являвшимся в тот период довольно крупным торговым узлом; в мае 1910 г. был открыт временный пункт в Риге [26. С. 89].

Следует отметить, что российскому правительству удалось наладить процесс перлюстрации не только на территории империи, но и за рубежом. Так, созданное в июле 1883 г. в Париже подразделение Департамента полиции, организующее работу с зарубежной агентурой, с первых дней своего существования занялось налаживанием процедуры контроля переписки революционеров-эмигрантов и уже к 1885 г. добилось на этом направлении серьезных успехов. Были установлены адреса, через которые осуществлялась переписка Веры Засулич с революционерами-террористами Российской империи, осуществлен контроль частной корреспонденции члена «Народной воли» Л.А. Тихомирова, революционера-террориста В.Л. Бурцева, революционных эмигрантов Г.В. Плеханова, А.Д. Гнатовского, Л.Э. Шишко, М.А. Стахович, а также других известных лиц: Н.А. Бердяева, Н.Ф. Анненского, Г.Г. Кугушева, Д.В. Соскиса, Н.К. Крупской и т.д. Кроме того, в 1889 г. руководитель зарубежной агентуры Департамента полиции П.И. Рачковский смог добиться официального согласия французских властей о необходимости полного контроля частной переписки всех без исключения русских эмигрантов и направлении копий писем лиц, интересующих Департамент полиции, в Петербург [27. С. 71]. К началу XX в. руководство зарубежной агентурой в Париже организовало работу по просмотру частной корреспонденции русской эмиграции и изготовлению с нее копий не только в Париже, но и во всей Франции, а также в Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии.

К числу ведомственных нормативных правовых актов, имевших отношение к официальной регламентации перлюстрационной деятельности, следует отнести Циркуляр министра внутренних дел от 5 января 1883 г. [28. С. 2–3]. Этот документ распространял свое действие на две категории граждан: лиц, состоящих под негласным надзором полиции, и лиц, привлеченных к дознаниям по политическим делам. Всю без исключения исходящую и поступающую на адреса этих лиц корреспонденцию в обязательном порядке следовало подвергать перлюстрации. В последующие годы в отношении этих категорий граждан было еще издано несколько циркуляров ведомственного характера, конкретизировавших и детализировавших отдельные процедурные стороны тайного просмотра

частной корреспонденции. Непосредственно сами тексты циркуляров найти не удалось, однако, по оценке, Л.И. Тютюнника, занимавшегося их изучением, можно установить, что в содержательном плане эти акты были направлены на организацию работы с лицами, в отношении которых имелись серьезные подозрения в участии в подготовке или совершении террористических актов и иных государственных преступлений [29. С. 106]. При этом текст документов содержал нормы, определявшие как цели и задачи осуществления перлюстрационной деятельности, так и порядок ее проведения.

4 января 1886 г. руководство перлюстрационной деятельностью в империи перешло из рук директора Почтового департамента к старшему цензору санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов (официальная должность – помощник начальника Главного управления почт и телеграфов), находившемуся в прямом подчинении у министра внутренних дел [30. С. 82]. По мнению А.И. Спиридовича, именно у этого должностного лица в конверте, опечатанном печатью министра внутренних дел, хранился секретный указ, регламентировавший процедуру перлюстрации в империи [6. С. 60]. При смене министра старший цензор предъявлял для ознакомления вышеупомянутый указ новому министру.

5 января 1895 г. для вступившего на престол императора Николая II был подготовлен доклад министра внутренних дел И.Н. Дурново «О перлюстрации», в котором отражалось состояние перлюстрационного дела в империи, отмечались наиболее значимые достижения на этом направлении, причем отдельно были отмечены успехи органов политического сыска в борьбе с террором. Примечательно, что в содержательном плане документ был подготовлен близко к тексту доклада Д.А. Толстого от 5 июня 1882 г., однако некоторые новшества все-таки существовали. Так, в докладе от 1895 г. отмечалось, что в обязанность перлюстрационных пунктов входило в том числе «задержание пересылаемых по почте прокламаций и листов противоправительственного и революционного содержания... и вообще доставление Департаменту полиции сведений, дающих ему возможность успешно бороться с революционным движением в России» [31. С. 13].

Отдельные российские исследователи, к примеру А.Ю. Кеклис, придерживаются мнения, что перлюстрационная деятельность в Российской империи во второй половине XIX в. «была делом совершенно законным» [32. С. 24]. По его мнению, Высочайше одобренный доклад министра внутренних дел И.Н. Дурново от 5 января 1895 г. в силу положений статей 53 и 55 Основных государственных законов (в редакции от 1892 г.) являлся одним из видов законов Российской империи. Поскольку доклад был принят по частному вопросу, то на основании ст. 70 Основных государственных законов он отменял действие законов общих, иными словами приобретал высшую юридическую силу [Там же. С. 23–25]. Вместе с тем не следует забывать, что не совсем ясно, получил ли этот доклад Высочайшее утверждение, поскольку, по сведениям В.С. Измозика, на докладе имеется только

лишь пометка «Должено Его Величеству. В С.-Петербурге 5-го января 1895 г. Ив. Дурново» [17. С. 580]. Остается также открытым вопрос о правильном соотношении предметов регулирования разных нормативных правовых актов: по отношению к какому общему закону доклад министра являлся законом частным. В конце концов, в содержательном плане доклад обладал довольно низким уровнем нормативности: за исключением нескольких декларативных норм иной нормативной нагрузки в нем не содержится. Таким образом, утверждение о том, что с принятием вышеупомянутого доклада перлюстрационная деятельность в империи обрела четкие законодательные рамки, представляется некорректным даже в условиях существования норм, определявших исключительный порядок выемки и просмотра частной корреспонденции.

Следует отметить, что революционеры-террористы довольно быстро адаптировались к возможности тайного вскрытия государством частной корреспонденции: в обход террористов постепенно вошло шифрование. Во второй половине XIX в., начиная с 1852 г., в перлюстрационных пунктах стали регулярно появляться зашифрованные письма. В этой связи в 1869 г. руководство Министерства внутренних дел было вынуждено привлечь к работе по перлюстрации корреспонденции дешифровальную службу при Министерстве иностранных дел. Данной работой лично занялся руководитель дешифровальной службы Л.П. Иессен: в 1869–1872 гг. он расшифровал 14 шифров, в 1872–1878 гг. – еще несколько писем и записок [33. С. 1–22]. Однако не все шифры удавалось раскрыть: в 1870–1871 гг. несколько писем из Одессы, а также одно письмо из Херсона так и не были прочитаны сотрудниками перлюстрационного пункта. В начале XX в. масштабы использования террористическими группами зашифрованной переписки существенно увеличились. Если в 1907 г. перлюстрационными пунктами было исследовано 904 письма, подготовленного с применением методики шифрования, то в 1912 г. такой корреспонденции насчитывалось 5 039 штук [31. С. 87]. Сложившаяся ситуация привела к тому, что эта сложная и трудоемкая работа была поручена одному из лучших специалистов-дешифровщиков Департамента полиции И.А. Зыбину, который за достаточно непродолжительное время смог добиться серьезных успехов.

Наряду с проблемой дешифрования остро стоял вопрос создания поддельных копий зашифрованных писем, поскольку в целях безопасности, конспирации и сохранения методики организации политического сыска было необходимо не прерывать переписку террористов друг с другом. Поскольку после дешифрования письмо необратимо теряло свой первоначальный вид, существовала необходимость создания его точной копии. Для этой работы в штате Департамента полиции была выделена специальная должность, а одним из наиболее известных подобных специалистов был В.Н. Зверев, неоднократно упоминавшийся многими мемуаристами в своих трудах.

Общая численность сотрудников, занимавшихся в конце XIX – начале XX в. перлюстрацией корреспонденции, была постоянной и менялась незначительно.

По данным В.С. Измозика, в 1908 г. штат работников перлюстрационных пунктов состоял из 39 лиц, в 1913 г. он составлял 42 должностные единицы. Однако если учитывать лиц из числа сотрудников почтового ведомства, оказывавших содействие в процедуре отбора, доставки и охраны корреспонденции, то общее число задействованных лиц будет значительно выше. В частности, по состоянию на ноябрь 1915 г. к организации процесса перлюстрации корреспонденции в Российской империи было привлечено 89 почтовых работников: 35 служащих Санкт-Петербургского почтамта, 15 сотрудников Московского почтамта, остальные – работники почтовых контор в городах, где функционировали перлюстрационные пункты [17. С. 223–224].

Примечательно, что сотрудники перлюстрационных пунктов тщательно подбирались не только с учетом лояльного отношения к режиму, неукоснительного соблюдения мер безопасности и конспирации, но и с наличием хорошего образования и знанием иностранных языков. В их число входили: сотрудники перлюстрационного пункта в Санкт-Петербурге О.К. Вейсман (шесть классов Главного немецкого училища, владел иностранными языками) [34. С. 43–45], В.И. Кривош (один курс Венской дипломатической академии, затем восточный факультет Санкт-Петербургского университета, владел иностранными языками) [17. С. 613–614], Н.В. Яблочков (Московское императорское коммерческое училище, владел иностранными языками) [Там же. С. 630]; руководитель перлюстрационного пункта в Тифлисе В.К. Карпинский (один курс юридического факультета Киевского университета, владел иностранными языками) и др. [26. С. 35].

Очередная попытка организационно-правового оформления перлюстрационного дела в Российской империи была предпринята в начале XX в., а именно после революции 1905–1907 г. Факты осуществления в условиях революционного времени перлюстрационной деятельности, проводимой в условиях строжайшей секретности, все-таки можно было зарегистрировать в материалах официальной переписки и иных документах, не имевших непосредственного отношения к тайному вскрытию корреспонденции. Об этом свидетельствуют отдельные нормативные правовые документы Департамента полиции: Циркуляр от 3 марта 1909 г., регламентировавший процедуру передачи в органы политического сыска копий перлюстрированных писем [35. С. 180]; Циркуляр от 5 июня 1910 г., требовавший неукоснительного исполнения указаний Департамента полиции по вопросам своевременной передачи копий вскрытых писем [35. С. 251]. Следует отметить, что

преобразования коснулись в большей мере организационных вопросов, в то время как проблема юридической регламентации этой деятельности снова отошла на второй план. В мае 1908 г. после проверок старшего цензора Санкт-Петербургского почтамта М.Г. Мардарьева подверглись реорганизации перлюстрационные пункты в Киеве и Одессе. В феврале 1910 г. вице-директором Департамента полиции С.Е. Виссарионовым была проведена проверка работы перлюстрационных пунктов в Москве, Варшаве и Саратове. 3 апреля 1910 г. по результатам своих визитов С.Е. Виссарионов подготовил отчет товарищу министра внутренних дел П.Г. Курлову, в котором отразил несколько обоснованных предложений по реформированию системы перлюстрации в России. Однако существенных преобразований руководство органов внутренних дел осуществлять не стало, ограничившись лишь пометками и резолюциями частного характера на отчетном документе, исполнение которых впоследствии не контролировалось. В конце 1910 г. вопрос о постановке перлюстрационного дела вновь стал актуальным: в отдельные пункты были направлены цензоры, а также началась работа по составлению сметы расходов на открытие новых перлюстрационных пунктов. Однако существенных преобразований в ходе этой работы не последовало: на протяжении нескольких лет в этом вопросе наблюдались непоследовательные и бессистемные действия руководства Министерства внутренних дел [36. С. 40–78]. Например, в декабре 1910 г. была составлена новая смета на открытие перлюстрационного пункта в Вильно, в январе 1911 г. она была утверждена товарищем министра, однако уже через месяц последовала отмена принятого решения [36. С. 62]. Вообще в 1910-х гг. руководство Министерства внутренних дел по вопросам организации перлюстрационного дела в Российской империи было обеспокоено двумя проблемами: нехваткой денежных средств, а также нарушением общественного спокойствия в связи с появлением в открытой печати сведений о фактах тайного вскрытия частной корреспонденции. В 1912–1914 гг. в Департаменте полиции даже велось дело, в котором концентрировались материалы открытой печати по вопросам просмотра частной корреспонденции. Именно эти обстоятельства являлись главными причинами непоследовательного управления перлюстрационной деятельностью в данный период, что не могло не сказаться на качестве борьбы с террором. В результате в начале XX в. вплоть до исчезновения Российской империи органы перлюстрации так и не подверглись системной реорганизации, а правовые основы их функционирования даже на негласном ведомственном уровне не были четко определены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2002. 704 с.
2. Соболева Т.А. Тайнопись в истории России (история криптографической службы России XVIII – нач. XX в.). М. : Международные отношения, 1994. 384 с.
3. Из воспоминаний М.Е. Бакая. О черных кабинетах в России // Былое. 1908. № 7. С. 119–133.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XX. Отд. 1. № 19283.
5. Лурье Ф.М. Политический сыск в России, 1649–1917 гг. М. : Центрполиграф, 2006. 399 с.
6. Спиридович А.И. Записки жандарма (репринтное воспроизведение издания 1930 года) / с предисл. и под ред. С. Пионтковского. М. : Художественная литература: Фонд творческих инициатив, 1991. 263 с.
7. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М. : РОССПЭН, 2000. 432 с.

8. Измозик В.С. «Черные кабинеты» в России (XVIII – начало XX веков) // Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 640 с.
9. Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXIX, ч. 2, № 41476.
10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129.
11. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. 1862. Оп. 37. Д. 536.
13. Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем // Дела и дни. Исторический журнал. Кн. 2. Пб. : Гос. изд., 1921. 240 с.
14. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М. : Прибой, 1929. 314 с.
15. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях по делам о государственных преступлениях с 1 июля 1883 года по 1 января 1884 года. СПб. : Министерство внутренних дел, 1884. 80 с.
16. Поляков А.С. Второе 1 марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г.: (материалы). М. : Издание журнала «Голос минувшего», 1919. 64 с.
17. Измозик В.С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.
18. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1.
19. Двадцатипятилетие почтово-телеграфного ведомства. 1885–1910. СПб. : Типография МВД, 1910. 19 с.
20. Почтово-телеграфная статистика за 1900 год (с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за тот же год). СПб. : Типография МВД, 1902. 57 с.
21. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 561.
22. Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440.
23. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 333.
24. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002.
25. РГИА. Ф. 1289. Оп. 21. Д. 228.
26. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000.
27. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 29.
28. ГАРФ. Ф. 58. Оп. 8. Д. 10.
29. Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX веков (1880–1904) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 294 с.
30. Лоскутов С.М. Правовые аспекты борьбы с террором в России во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 157 с.
31. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001.
32. Кеклис А.Ю. Законодательное регулирование перлюстрации в Российской империи XIX – начала XX века // История государства и права. 2009. № 4. С. 23–25.
33. ГАРФ. Ф. А109. Оп. 3а. Д. 560.
34. РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 725.
35. ГАРФ. Ф. 58. Оп. 5. Д. 4.
36. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 35.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 декабря 2017 г.

EXAMINATION OF PRIVATE CORRESPONDENCE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: THE LEGAL FRAMEWORK AND THE ROLE IN THE FIGHT AGAINST TERROR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 243–249.

DOI: 10.17223/15617793/426/31

Mikhail B. Kolotkov, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mkolotkov@yandex.ru

Keywords: interception; terror; censorship; correspondence; encryption of mail.

This article examines the implementation of postal censorship in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. The scope of the study is due to the insufficient attention to the study of postal censorship procedures on the part of legal scholars. The Russian autocratic government used postal censorship as a method of investigative activities in different volumes for quite long: documents testify to the facts of opening private correspondence back in the middle of the 18th century. In the second half of the 19th century the development of the revolutionary movement, the emergence and the subsequent strengthening of terrorist ideology in the Russian Empire contributed to the systematization of this activity and the transition of postal censorship work to a qualitatively new level. In the article, an attempt was made to search for the legal framework of postal censorship: the issues of identifying normative legal acts that regulated postal censorship in the Russian Empire are considered. Actually, in the Russian Empire, the Ministry of Internal Affairs used postal censorship (under great secrecy) without any departmental regulation: no instructions, circulars, rulings or orders governing the procedure for conducting this type of search activities were issued. The Postal Department, which, along with the Telegraph Office, was controlled by the Ministry of Internal Affairs, censored correspondence. As of 1882, the Russian Empire had eight postal censorship units. The author investigated the mechanism for the institutionalization of a postal censorship case. He paid special attention to the role of postal censorship in the prevention of terrorist attacks and in the disclosure of crimes in the Russian Empire. In the late 19th – early 20th centuries, materials obtained during the examination of private correspondence were presented in overviews and reports of the Police Department in a mediated form as information received via agents. Such materials were used exclusively for investigation purposes, and were not used in the proceedings on a particular case. Bodies of investigation checked even seemingly irrelevant information, found during the examination of correspondence, that arouse the suspicion of the preparation of a terrorist attack. It should be noted that postal censorship was highly efficient in the fight against terror in this period, the data obtained allowed to prevent many terrorist attacks and contributed to the disclosure of crimes.

REFERENCES

1. Sukharev, A.Ya. & Krutskikh, V.E. (eds) (2002) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large dictionary of law]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M.
2. Soboleva, T.A. (1994) *Taynopis' v istorii Rossii (istoriya kriptograficheskoy sluzhby Rossii XVIII – nach. XX v.)* [Cryptography in the history of Russia (the history of the cryptographic service of Russia in the 18th – early 20th centuries)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
3. Byloe. (1908) Iz vospominaniy M.E. Bakaya. O chernykh kabinetakh v Rossii [From the memoirs of M.E. Bakay. About black cabinets in Russia]. *Byloe*. 7. pp. 119–133.
4. Russian Empire. (1845) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. XX?:1:19283.
5. Lur'e, F.M. (2006) *Politicheskiy sysk v Rossii, 1649–1917 gg.* [Political investigation in Russia, 1649–1917]. Moscow: Tsentrpoligra.
6. Spiridovich, A.I. (1991) *Zapiski zhandarma* [Notes of a gendarme]. Reprint of the 1930 edition. Moscow: Khudozhestvennaya literatura: Fond tvorcheskikh initsiativ.
7. Peregodova, Z.I. (2000) *Politicheskiy sysk Rossii (1880–1917 gg.)* [Political investigation of Russia (1880–1917)]. Moscow: ROSSPEN.
8. Izmozik, V.S. (2002) “Chernye kabinety” v Rossii (XVIII – nachalo XX vekov) [“Black offices” in Russia (18th – early 20th centuries)]. In: *Zhandarmy Rossii* [Gendarmes of Russia]. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-PRESS.
9. Russian Empire. (1864) Vysochayshe utverzhennyy Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 g. [The Highly approved Criminal Procedure Charter of November 20, 1864]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. XXXIX:2:41476.
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1282. List 1. File 129. (In Russian).
11. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 241. File 246. (In Russian).
12. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. 1862. List 37. File 536. (In Russian).
13. Dela i dni. (1921) Perepiska Aleksandra II s velikim knyazem Konstantinom Nikolaevichem [Alexander II's correspondence with Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. *Dela i dni. Istoricheskiy zhurnal*. 2.
14. Novitskiy, V.D. (1929) *Iz vospominaniy zhandarma* [From the memoirs of a gendarme]. Moscow: Priboy.
15. Ministry of Internal Affairs. (1884) *Obzor vazhneyshikh doznaniy, proizvodivshikhsya v zhandarmских upravleniyakh po delam o gosudarstvennykh prestupleniyakh s 1 iyulya 1883 goda po 1 yanvarya 1884 goda* [Review of the most important inquiries carried out in the gendarmerie offices on cases of state crimes from July 1, 1883 to January 1, 1884]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
16. Polyakov, A.S. (1919) *Vtoroe 1 marta. Pokushenie na imperatora Aleksandra III v 1887 g.: (materialy)* [The second March 1. Attempt on the Emperor Alexander III in 1887: (materials)]. Moscow: Izdanie zhurnala “Golos minuvshego”.
17. Izmozik, V.S. (2015) “Chernye kabinety”: istoriya rossiyskoy perlyustratsii. XVIII – nachalo XX veka [“Black offices”: the history of Russian postal censorship of the 18th - the beginning of the 20th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 265. File 1. (In Russian).
19. Tipografiya MVD. (1910) *Dvadsatipyatiletie pochtovo-telegrafnogo vedomstva. 1885–1910* [The twenty-fifth anniversary of the postal and telegraph agency. 1885–1910]. St. Petersburg: Tipografiya MVD.
20. Tipografiya MVD. (1902) *Pochtovo-telegrafnaya statistika za 1900 god (s kratkim obzorom deyatel'nosti pochtovo-telegrafnogo vedomstva za tot zhe god)* [Postal and telegraph statistics for 1900 (with a brief overview of the postal and telegraph services for the same year)]. St. Petersburg: Tipografiya MVD.
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 3a. File 561. (In Russian).
22. Archive of the Office of the Federal Security Service of Russia for St. Petersburg and Leningrad Oblast. File P-74440. (In Russian).
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 316. File 333. (In Russian).
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1467. List 1. File 1002. (In Russian).
25. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1289. List 21. File 228. (In Russian).
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1467. List 1. File 1000. (In Russian).
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 249. File 29. (In Russian).
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 58. List 8. File 10. (In Russian).
29. Tyutyunnik, L.I. (1986) *Departament politsii v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov (1880–1904)* [Department of Police in the fight against the revolutionary movement in Russia at the turn of the 20th century (1880–1904)]. History Cand. Diss. Moscow.
30. Loskutov, S.M. (2014) *Pravovye aspekty bor'by s terrorom v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Legal aspects of the fight against terror in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Law Cand. Diss. Moscow.
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1467. List 1. File 1001. (In Russian).
32. Keklis, A.Yu. (2009) Zakonodatel'noe regulirovanie perlyustratsii v Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX veka [Legislative regulation of postal censorship in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 4. pp. 23–25.
33. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A109. List 3a. File 560. (In Russian).
34. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1289. List 4. File 725. (In Russian).
35. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 58. List 5. File 4. (In Russian).
36. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 267. File 35. (In Russian).

Received: 05 December 2017